

На этой подрабатывающей извозом бычьей повозке сидели люди, да ещё и всякий скарб был навален — места и так почти не оставалось. Сун Нин и Вэй Ху сидели рядом, и локти поневоле теснились, прижимаясь друг к другу.

Вэй Ху неловко подался в сторону, но куда тут податься — повозка ведь совсем крошечная.

Сун Нин, напротив, был вполне доволен. Ему нравилось сидеть рядом с Вэй Ху. Он сцепил пальцы, и на его лице разлился румянец.

А вот Вэй Ху было не так уж легко. Теперь этот брак уже был делом решённым. Нин-гэ — не грубый человек, привыкший к тяготам, да к тому же этот маленький гер с детства рос в заботе и холе, и Вэй Ху тем более не хотел, чтобы тот терпел лишние неудобства.

Стоило им сесть в повозку, как половина тела фулана прижалась к нему. Вэй Ху заёрзал, ему до ужаса захотелось слезть.

Почему эта повозка тащится так медленно, да он пешком дошёл бы быстрее.

Не выдержав, Вэй Ху поторопил:

«Дядюшка, чего у тебя бык так медленно идёт?»

«Эй ты, молодец, совсем скотину не жалеешь» - проворчал тот. «Пусть бычья повозка и медленная, всё равно быстрее, чем человек пешком».

Сун Нин потянул Вэй Ху за рукав:

«Братец Вэй Ху, да она же едет довольно быстро».

Вэй Ху же казалось, что повозка плетётся ужасно медленно. Молодой здоровый мужчина сидит в бычьей телеге, да ещё вплотную рядом с гером, и к тому же... зима ведь уже на подходе, так почему сегодня солнце палит так сильно?!

Сун Нин, прижавшись к нему, тихонько спросил:

«Вэй Ху, мы ведь ещё заедем в дом семьи Сун?»

Хотя Сун Нин и не хотел возвращаться в дом Сун, у него там оставались старые книги, которые он хотел забрать. Ему было жаль расставаться с этими вещами — на некоторых страницах сохранились отцовские пометки, и взять их с собой значило сохранить память.

«Да, заедем» - кивнул Вэй Ху.

Он и сам хотел взглянуть, в каких условиях раньше жил этот гер, а заодно увидеть ту злую мачеху и сводную сестру, что его обижали. Хотелось хоть немного восстановить справедливость.

Пусть это и будет всего лишь формальностью — зайти, забрать вещи и сразу выйти, — Сун Нин всё равно согласился. Заодно можно будет посмотреть, удастся ли вынести его книги.

Наверное, старые книги всё ещё там. Сун Баочжу не умела читать, Сун Ючэн и вовсе не любил книги — для них эти вещи ничего не значили. А для Сун Нина они были настоящим сокровищем. Когда он уходил из дома, У Цайэ, назло ему, категорически запретила брать их с собой.

А теперь он возвращается вместе с Вэй Ху и может быть, на этот раз получится забрать всё своё.

Сун Нин втайне радовался: если удастся всё забрать — будет просто замечательно.

Он задумался, и тут бычья повозка внезапно тряхнулась. Сун Нин вскрикнул "ой!" и повалился прямо в объятия Вэй Ху. Тот на мгновение остолбенел, а потом поспешно оттолкнул его.

Голова у Вэй Ху ещё ничего не сообразила, а руки уже сделали своё дело. В тот миг, когда гер врезался ему в грудь, к носу вдруг поднёсся неуловимый аромат — от него у Вэй Ху закружилась голова.

Он не рассчитал силу, и, оттолкнув Сун Нина слишком резко, отправил его лбом прямо в стоявшую сбоку бамбуковую корзину. Сун Нин снова вскрикнул от боли.

Теперь Вэй Ху перепугался окончательно. Он хотел поддержать Сун Нина, но руки метались в воздухе — так и не решился прикоснуться.

«Ты... ты в порядке? Я... я не специально!»

Сун Нин болезненно втянул воздух и, уперевшись рукой о его предплечье, сказал:

«Вэй Ху, мне не больно».

Вэй Ху застыл, боясь пошевелиться. Сун Нину и правда было немного больно, но, к счастью, он ударился о бамбуковую корзину — будь там доска, удар был бы куда сильнее.

Сун Нин боялся боли. Сейчас он лишь стукнулся о корзину, но всё равно жалобно наклонился к Вэй Ху:

«Вэй Ху, посмотри, сильно покраснело?»

Гер держался за его руку, лоб покраснел, а взгляд был таким жалким. Видно, удар и правда оказался болезненным — в его миндалевидных глазах блестели слёзы.

Тот самый неуловимый аромат снова окутал Вэй Ху. Его кадык дрогнул, он отвёл взгляд:

«Покраснело... Прости».

Гер слегка улыбнулся:

«Ничего, не больно. Я с детства такой — ударюсь, выглядит страшно, а на самом деле всё нормально».

Сейчас половина его тела уже нависала над грудью Вэй Ху, тонкие, словно нефритовые, пальцы всё ещё сжимали его руку, а запах никак не рассеивался.

«Сядь ровно» - выдавил Вэй Ху.

«Ага».

Сун Нин наконец сел как следует.

Как только он разжал пальцы, Вэй Ху словно ошпаренный соскочил с повозки:

«Тут тесно... ты садись нормально».

«Вэй Ху, до города ещё ехать да ехать, зачем ты слез?» - с досадой спросил Сун Нин.

Ему было обидно: только-только они сидели рядом, а он опять спрыгнул.

«Пойду, разомнусь».

Вэй Ху заложил руки за спину и пошёл следом за повозкой. Стоило ему слезть, как вокруг Сун Нина сразу стало просторно. Он прикрыл лоб ладонью и надул губы — ну как же так, Вэй Ху...

Вэй Ху смотрел в сторону дороги и даже не смел взглянуть на Сун Нина. Только спрятанными за спиной руками он тихонько сжимал и разжимал пальцы.

Вскоре они добрались до города. Вэй Ху не знал, где находится дом семьи Сун, поэтому просто шёл рядом с Сун Нином. Через некоторое время они остановились у больших ворот.

«Вэй Ху, вот и мой дом».

Дворовые ворота были распахнуты настежь. Сун Нин повёл Вэй Ху внутрь. Когда они вошли, Сун Баочжу и её муж уже были здесь — сидели в переднем зале и неспешно пили чай.

Голос Сун Баочжу был звонким и громким, так что Сун Нин услышал всё ещё с порога:

«Мам, ну как ты могла подыскать Сун Нину такую семью? Тогда уж надо было выдать его за того чахоточного с соседней улицы!»

У Цайэ холодно отозвалась:

«Подумаешь, бедный охотник, да ещё и "губитель жён", неужели он мог быть лучше для тебя? К тому же за него дали десять лян серебра — разве я не отдала их тебе в приданое?»

Чжао Циншу тоже сидел в зале с чашкой чая. Он первым заметил подходящих и, громко кашлянув, окликнул:

«Нин-гэ вернулся».

У Цайэ тут же оборвала разговор. Сегодня её дочь как раз пришла "на третий день после свадьбы", и первым делом заявила, что семью, найденную для Сун Нина, можно назвать слишком уж хорошей: тот бедный охотник оказался статным и рослым, и как это она могла так дешёво отделаться от этой мелкой дряни Сун Нина.

Вообще-то У Цайэ и не собиралась звать Сун Нина обратно с визитом. Она опасалась, что его нищая родня прицепится к их дому, чтобы нажиться за чужой счёт. Такая бедная родня ей была ни к чему — придёт, так и выгнать можно.

Теперь все и так всё понимали, не было нужды разыгрывать показную "материнскую ласку и сыновнюю почтительность". Деревенщина, что с неё взять — разве принесёт что-то стоящее?

У Цайэ подняла глаза — и вдруг увидела, что принесли они немало: курицу, корзину яиц, кувшин вина и ещё полмешка чего-то непонятного.

Вещей они принесли немало, но У Цайэ всё равно нахмурилась. Дочь ведь говорила, что ещё и несколько отрезов ткани выпросила, так почему же их не принесли обратно?

Увидев, что бедный охотник явился не с пустыми руками, У Цайэ прикинула: выгони она их сейчас — и все эти вещи пропадут. Потому и поздоровалась холодно, без особого тепла:

«Нин-гэ вернулся».

«Вторая матушка» - отозвался Сун Нин.

От этого обращения у У Цайэ аж сердце сжалось: "вторая матушка, вторая матушка" — словно нарочно, чтобы всем напомнить, что она всего лишь жена по второму браку.

Зато Чжао Циншу проявил показную любезность — налил им чаю:

«Нин-гэ, попей воды, дорога ведь неблизкая».

Сун Нин его не удостоил ответом, лишь бросил взгляд на подарки, которые принесли Чжао Циншу с женой: корзину с фруктами да кулёк арахиса — ничего ценного.

У Цайэ всегда презирала деревенских. А увидев, что Вэй Ху одет в поношенную короткую куртку, лишь утвердилась в своём мнении: пусть этот охотник и недурён собой, всё равно нищий мужлан.

Она ткнула ногой в мешок из мешковины на полу:

«Это ещё что такое? Нанесли тут всего».

«Батат, сами выращивали» - ответил Сун Нин.

«Да что в нём ценного? Зачем тащить, у нас в доме никто такое не ест» - У Цайэ важно задрала подбородок. «Твоего отца больше нет, в доме сейчас тяжело. Твой младший брат ещё учится, дни и без того невыносимые».

Сун Нин прекрасно понял, к чему она клонит: боится, что он потом станет приходить за деньгами.

Он тихо ответил:

«Я знаю».

Он уже хотел заговорить о своих книгах, но не успел и рта раскрыть, как Сун Ючэн вихрем вбежал во двор:

«Мам! Старшая сестра вернулась!»

Сун Ючэну в этом году исполнилось тринадцать — всего на два года младше Сун Нина. Он был единственным сыном в семье, и отец Сун Нина вместе с У Цайэ баловали его без меры: он так хорошо ел, что щёки расплылись, кожа на лице буквально сжималась складками. Вот тебе и "трудные времена", о которых говорила У Цайэ — на Сун Ючэне и тени этих лишений не было видно.

Сун Ючэн обожал поесть. Увидев на столе подарки, он тут же полез к ним. Оглядев всё, нашёл лишь одну связку съестных фруктов, схватил её и развязал. Внутри оказались всего лишь засахаренные водяные каштаны и прочие дешёвые сладости — даже на нормальные пирожные поспешили.

В семье Сун держали небольшую рисовую лавку, и с детства Сун Ючэн ел хорошо. Такие фрукты в деревне многие семьи и купить-то не решались, а он привык к изысканным сладостям — всяким пятиореховым печеньям да пирожным-слиткам. Разумеется, на такую мелочь он и смотреть не стал.

Сун Ючэн с презрением отодвинул подарок в сторону:

«Нин-гэ, ты на обратный визит притащил одну никому не нужную ерунду. Я это есть не буду! Вон посмотри на старшую сестру — она хоть курицу принесла. Мам, я днём хочу тушёную курицу!»

От этих слов Чжао Циншу стало не по себе — на лице проступило смущение. Подарки для визита готовила его мать: семья у них бедная, да ещё и он один учится, живут они скромно. Где уж ей тратиться на дорогие угощения.

У Цайэ, заметив, как изменилось лицо Чжао Циншу, поспешно сгладила неловкость:

«Ючэн, что ты такое говоришь? Эти фрукты твой зять принёс, всё это хорошие вещи. Просто ты слишком избалован, вот и всё».

Услышав, что подарки принёс Чжао Циншу, Сун Ючэн тут же сменил тон:

«Зять, так это ты принёс? Тогда я люблю фрукты».

У Цайэ тоже расплылась в улыбке:

«Циншу, Ючэн теперь в учёбе продвигается всё лучше. Когда будет время, поучи его — пусть для начала хоть на степень туншэна сдаст».

«Понимаю, тёща» - отозвался Чжао Циншу.

Сун Нину было лень слушать их разговоры. Сейчас У Цайэ как раз была на пике самодовольства: её дочь вышла за сюцая, а значит, она теперь — тёща сюцая.

«Вторая матушка, у меня в комнате ещё остались старые книги. Я хотел бы забрать их с собой» - сказал он.

Именно потому, что здесь был сюцай-зять Чжао Циншу, а также стоял рядом Вэй Ху, У Цайэ всё же пришлось считаться с приличиями — и только тогда Сун Нин осмелился заговорить о своих книгах.

Но стоило У Цайэ услышать, что Сун Нин хочет забрать что-то из её дома, как лицо её тут же потемнело. Теперь ей было жаль отдавать Сун Нину даже комок земли из семьи Сун, не то что книги».

«Эти книги я ещё раньше пообещала Циншу» - резко сказала она. «Тебе, сяогеру, зачем они? Чиновником тебе всё равно не стать. Ты теперь замужем, нечего жить так же праздно, как раньше — лучше помогай семье мужа».

Вэй Ху, всё это время стоявший за спиной Сун Нина, наконец заговорил:

«Почтенная тёща, в деревне сейчас межсезонье, работы немного. Пусть Нин-гэ возьмёт книги, чтобы было чем время скоротать».

Подал голос и Чжао Циншу:

«Мама, я теперь уже сючай, эти книги мне ни к чему. Пусть Нин-гэ заберёт».

Раз даже Чжао Циншу сказал так, У Цайэ уже нечего было возразить. Сун Нин поднялся и направился к своей комнате.

Дом семьи Сун представлял собой двор с одним входом, и у Сун Нина когда-то была отдельная комната. Но после смерти отца его выгнали оттуда, и ему пришлось ютиться в одной комнате с домашней служанкой.

<http://bllate.org/book/15163/1356161>